

Я уже начал верить, что все эмоции Фугаки были взяты из стоицизма. Но в тот момент он казался таким же человеком, как и все, кого я когда-либо видел — ждал, волновался и надеялся.

— Итачи, Такеши, сохраняйте спокойствие, — сказал Фугаку, хотя больше походило на то, что он пытался успокоить самого себя, — Все будет хорошо.

— Да, отец, — ответил Итачи, его голос был ровным, но глаза выдавали его беспокойство.

Отчасти я понимал, почему они беспокоятся, но, честно говоря, это было не так уж и важно, когда речь шла о реальном положении вещей. Женщины-Шиноби гораздо выносливее гражданских, поэтому их смертность при рождении практически нулевая. В тех редких случаях, когда они умирают при родах, это обычно связано с тем, что они были очень больны или что-то в этом роде.

В случае с леди Микото она являлась воплощением здоровья во время беременности. Она придерживалась строгой диеты, все продукты были одобрены врачом, она принимала витамины и никогда не перенапрягалась, поэтому ее беременность не представляла никакого риска.

Поэтому я не волновался. Я не только знал, что ее беременность была идеальным примером ответственной беременности, но и в том случае, если бы на нее могло повлиять что-то другое, я бы уже знал об этом, так как мог чувствовать ее чакру — она в полном порядке.

Тем не менее, я не собирался говорить им об этом. Я не хотел, чтобы Фугаку вылетел из больницы через одно из ее многочисленных окон.

Глубоко вздохнув, я откинулся в кресле, пытаюсь отвлечься и разглядывая окружающую нас комнату. Стены были выкрашены в успокаивающий голубой цвет, а несколько растений в горшках были расставлены так, чтобы добавить жизни в стерильную обстановку. Детская, похоже, находилась через несколько комнат от приемной, судя по крошечным сигнатурам чакры, которые я там ощущала.

Чакра ребенка ощущалась... Другой, словно капля воды, стекающая сама на себя, становясь все больше и больше.

— Как вы думаете, сколько времени это займет? — тихо спросил я, не ожидая ответа.

— Это зависит от ситуации, — спокойно ответил Итачи, — Роды становятся непредсказуемыми.

Это утверждение относится в основном к гражданским лицам, но я не стану подрывать его беспокойство, по крайней мере сейчас.

Фугаку на мгновение замедлил шаг и посмотрел на нас:

— Мать сильная, — сказал он, его голос был наполнен смесью гордости и беспокойства, — Она справится с этим.

Было довольно странно видеть его таким уязвимым. Я не знал, что с этим делать. В этот момент он не был ни главой полиции, ни главой Учиха; он казался просто мужем и отцом, переживающим за свою жену и будущего ребенка.

Звук приближающихся шагов вывел меня из задумчивости. В дверях появилась медсестра, выражение ее лица было спокойным и профессиональным:

— Фугаку-сама, Итачи-кун, Такеши-кун, — сказала она, слегка поклонившись, — Микото-сама идет на поправку. Сейчас с ней работают врачи, и все идет своим чередом.

Фугаку выдохнул, даже не подозревая, что задерживает дыхание:

— Спасибо, — сказал он с облегчением в голосе.

— Мы можем ее увидеть? — спросил Итачи, его глаза были полны надежды.

— Пока нет, — мягко ответила медсестра, — Но я буду держать тебя в курсе. Пожалуйста, постарайтесь расслабиться.

Роды обычно занимают несколько часов, от десяти до двадцати четырех, если роды проходят без особых осложнений. Однако эта статистика относится только к гражданским женщинам. Что касается Шиноби, то для них до сих пор не было статистики, а может, и была, но она была конфиденциальной? Я не был уверен. Тем не менее у меня было ощущение, что мы просидим здесь несколько часов, прежде чем ребенок наконец появится на свет. Шиноби или нет, но я сомневался, что у них роды проходят быстрее.

Поэтому единственное, что мы могли сделать — это ждать.

С момента нашего прибытия в больницу прошло уже шесть часов, и около четырех часов назад Фугаку забрали в палату Микото, чтобы он был рядом с ней и ребенком, оставив нас с Итачи

одних в комнате ожидания.

Я чувствовал, как чакра леди Микото колеблется каждые три-четыре минуты. Сначала колебания происходили с интервалом в десять-двадцать минут, но чем больше времени проходило, тем ближе становились эти колебания.

Итачи сидел рядом со мной, крепко сцепив руки, и смотрел в пол. С тех пор как отец уехал, он почти не разговаривал, и я чувствовал, как его грызет беспокойство. Поэтому, как и подобает хорошему другу, я протянул руку и положил ее ему на плечо в знак заверения.

— Итачи, с ней все будет в порядке, — сказал я, слабо улыбнувшись, — Леди Микото сильная, и она в надежных руках.

Он поднял на меня глаза, в которых плескалась надежда и неуверенность:

— Я знаю, Такеши. Просто... Это ожидание, я ненавижу ждать, ничего не зная. Это невыносимо.

Я кивнул, понимая его разочарование. Ожидание действительно было самым трудным, даже если ты знал, что в конце концов все будет хорошо. Не знать того, что хочешь знать, — это, по сути, пытка.

— Почему бы нам не попытаться отвлечься? — предложил я, — Может, поговорим о чем-нибудь другом. Например, о нашей следующей тренировке. Твой отец упоминал, что мы можем начать изучать новые техники.

Итачи улыбнулся:

— Да, отец говорил об этом. Он подчеркивал, что нам важно овладеть контролем чакры.

— Именно, — сказал я, воспользовавшись возможностью перевести разговор на что-то другое, не связанное с текущей ситуацией, — И мы добились больших успехов. Помнишь, как трудно было, когда мы только начинали? Теперь мы можем с легкостью поддерживать поток чакры.

Итачи уставился на меня с выражением лица, которое не могло не кричать: «Ты что, шутишь? Трудно? Ты почти сразу освоил все упражнения по контролю чакры, которые мы делали».

— Я слышу зависть? — спросил я, наклонив голову.

— Я не завидую, — ответил Итачи, по его шее пробежал румянец, — Я расстроен, это разные вещи.

— Честно говоря, не представляю, с чего бы тебе расстраиваться, — пожал я плечами, откинувшись на спинку стула, — Конечно, я осваиваю упражнения быстрее тебя, но не настолько, чтобы оставить тебя позади. То, на что у тебя уходят часы, у меня — минуты, так что к концу каждой тренировки мы остаемся на равных.

<http://tl.rulate.ru/book/111581/4646492>